

Хаксли из его романа «Этот новый прекрасный мир»: «When the individual feel, the community reel». («Когда человек чувствует, общество колеблется»).

Т. Михайлова: Я считаю, что женщина прежде всего — мать, поэтому функция женщины — охранительная: охранять очаг от бед. Мы сейчас поставлены в такое положение, что современная женщина является матерью и для своего мужа, не только для своих детей. И мне кажется, что наше движение должно быть движением за возрождение мужчин, т. к. женщины уже устали нести бремя **всего** на своих плечах. Мы хотим быть не только матерями, но и женами. Раньше любимый цветок — дочь — родители вручали мужу, чтоб он ее любил и лелеял, а теперь мужчину вручают женщине, жене, чтоб она его любила и лелеяла.

Настоящие женщины достойны настоящих мужчин: в России прекрасные женщины, я думаю, они заслужили нормального человеческого счастья. Женское движение должно бороться за полноту жизни, за женское и мужское начало, соединенное в нормальную семью.

Л. Васильева: Феминистическое движение вызвано временем. Женщины в нашей стране — в тяжелейшем положении, в условиях гнета социального, бытового и полового (в том смысле, что обездоленные мужчины компенсируют свой страх и беззащитность перед реальностью на женщине). Ситуация требует выхода. Я думаю, что конкретный выход еще не ясен, он очертится со временем. Но женщины должны объединиться для того, чтобы показать миру и, прежде всего, себе самим, свои проблемы и взаимно, в любви и сотрудничестве, разрешать их. Мужчина сейчас не поможет женщине обрести себя. И мы, женщины, невзирая на биологизм женского стада, **можем** должны помочь друг другу. Это возможно только в перспективе духовного совершенствования каждой в отдельности и всех вместе.

Ответы на анкету журнала «Альтернативы»

1. Считаете ли вы себя феминистками в том значении, какое принято на Западе?

— Мы слишком хорошо изолированы от Запада, чтобы дать Вам квалифицированный ответ на этот вопрос. Мы (большинство из нас) знаем очень немного о Западных феминистических организациях и движениях, слышали, однако, что многие из них «левые», «марксистские», «гошистские» и т. д.

Как показала недавно проведенная конференция клуба «Мария», к марксизму и всем подобным ему течениям у русских женщин отношение однозначное: марксизм — это ориентированная на прагматизм, циничная идеология, уничтожающая и подавляющая человека.

Предназначены для журнала «Альтернатива».

В России, благодаря ее кровавому опыту, ценой миллионных жертв, мы пережили иллюзии, связанные с возможностью насильственно-революционного изменения общества. Мы ясно поняли: никакие внешние политические и социальные реформы не могут изменить положение женщины. Только великая духовная метаморфоза, только религиозное преобразование жизни сможет освободить ее.

Именно это отличает русский феминизм от западного — его ориентация на духовно-религиозные ценности.

2. Многие из вас выражают сомнение в том, что в СССР может возникнуть «феминистическое движение». Считаете ли вы такое движение реальным?

- Да! Ибо мать защитит свое дитя. Жены-хранительницы домашнего очага. Женщины-матери прекрасно понимают друг друга с полуслова, поэтому мы считаем, что феминистическое движение в России будет расти и крепнуть как в социальном, так и в духовном смысле. Как свидетели этого события приведем пример:

Когда работники КГБ рьяно взялись за разгром альманаха «Женщина и Россия», то с поддержкой выступили женщины Запада, с одной стороны, с другой же — женщины России. В поддержку издателям альманаха «Женщина и Россия» появляется на свет второй женский журнал — «Мария» и, более того, создается клуб «Мария». Все это происходит в очень короткий срок. Количество участников и сочувствующих не сокращается, а увеличивается. Мы считаем это движение реальным, потому что у женщин нашей страны нет иного выхода.

3. Почему женщины у вас так долго молчали? Случайно ли, что молчание нарушилось именно в Ленинграде?

Женский вопрос долгое время был скомпрометирован пресловутой «эмансипацией», убожеством проектов освобождения женщины, которые существовали в т. н. «передовой» и демократической русской мысли. (Мы привыкли смеяться над Чернышевским со школьной скамьи). Западный же феминизм нам казался чем-то легковесным. Обычная реакция на него — «с жиру бесаться».

Нам кажется, что вопрос следовало бы поставить немного по-иному: не «почему женщины так долго молчали», а почему они молчали о своих женских бедах? Может быть, виной тому терпение и скромность, присущие женской природе, привычка прежде всего заботиться о несчастьях других, а свои беды ставить на последнее место. Но было и другое. В СССР все важнейшие вопросы жизни принято замалчивать, табу наложено и на вопрос о женщине, и на вопрос о поле, и на вопрос о сексуальной революции. Женщины, к которым мы обращались с просьбой написать об ужасном опыте советских роддомов и абортариев, часто отвечали: но ведь это всем известно, что я могу сказать нового!

Поистине, Гулаг стал каждодневным содержанием жизни советской женщины, и к этому аду так привыкли, что если и возникает в голове какая-то возмущенная мысль, она немедленно отсылается в глубины молчаливого подсознания. Вот почему женщины молчали.

заговорили прежде всего те, кто был и раньше способен не молчать. Деятели неофициальной культуры, представительницы дем. движения, участницы религиозных семинаров. Произошло это в Ленинграде и, как кажется, не случайно.

В Ленинграде женское движение связано с культурным, а среди деятельниц неофициальной культуры много не просто «заурядных», а выдающихся во всех смыслах женщин. Кто-то даже сказал о «феминизации» ленинградской культуры.

Есть и другие причины, выделившие Ленинград. В Ленинграде быт диссидентских семей сильно отличается от московского. Это — город нищеты и неустроенности. На женщину возложено двойное бремя — бремя борьбы за свободу и каждодневные, изнуряющие заботы о хлебе насущном.

Может быть, это движение возникло в Ленинграде еще и оттого, что, как сказал один из художников-нонконформистов, выйдя из тюрьмы: В Ленинграде я не встретил ни одного мужчины, кроме женщин.

4. Думаете ли вы, что вам есть на что опереться в виде традиций и опыта? (например, движение за эмансипацию в России 19 века...) Что в этих опытах вам кажется полезным, а что утратило смысл и значение?

— В России 19 века существовали, с нашей точки зрения, две одинаково непривлекательных «модели» идеальной женщины. Они представлены в своих крайних проявлениях Чернышевским и Толстым.

Чернышевский отталкивает своей поверхностностью и убогой рассудочностью (хотя его уважение к женщине, восхищение женщиной очень привлекательны).

Толстой уводит в другую крайность — женщина понимается только как «самка», как средство к деторождению, что, естественно, является в наших нечеловеческих условиях жизни утопией.

Наш проект — обретение Бога через свободное обретение себя — не терпит подобного механицизма и упрощения.

Еще более отталкивают нас эксперименты 20-х годов. Принудительная уравниловка только погубила семью и породила огромное количество несчастных людей.

5. Как созрел ваш почин? Считаете ли вы, в частности, невозможным помещать статьи на феминистические темы в других изданиях? Почему вам представляется необходимым существование отдельного журнала?

— Наш почин созрел почти неожиданно для нас самих. В Ленинграде существовало к сентябрю 79 года несколько самиздатских журналов, ориентированных главным образом на проблемы неофициальной культуры и религии (главные из них «37» и «Часы»).

Эти журналы не могли вместить в себя женскую проблематику хотя бы потому, что она слишком острая, слишком злободневная. Это не соответствует принципиально отчужденному, философски-рефлектирующему тону ленинградского самиздата.

Кроме того, журнал — это особый вид общения, это — дружба.

Между женщинами-инициаторами движения сложились такие глубокие, по-христиански целомудренные отношения, каких еще не наблюдалось в работе других групп и кружков. Женщин объединяет общая боль, общее бесстрашие, общая способность к жертве. Многие из нас долгое время с большим или меньшим успехом следовали мужскому идеалу литератора, деятеля, удастивались порой сомнительных похвал вроде «у нее мужской ум» или «она пишет мужские стихи». Но теперь мы очень рады нашему объединению: в общении женщин гораздо меньше тщеславия и глухоты, которые можно наблюдать в работе мужских и «смешанных» самиздатных группировок.

Активные участницы движения — Вознесенская, Малаховская, Горичева — уже имеют достаточный опыт в работе самиздата, поэтому их привлекает в специфически женской форме общения большая ответственность, преданность делу, стремление к высоким ценностям любви и отвержение себя во всем.

6. Являетесь ли вы единомышленниками в том, что касается общих вопросов или вы являетесь сторонниками различных убеждений, объединяемых лишь специально женской проблематикой? Если верно последнее, то какие именно убеждения представлены в вашей среде?

— В настоящее время среди участниц движения существует как бы два направления. Условно их можно назвать атеистическим и религиозным. (Клуб «Мария», куда входит большинство женщин-участниц движения, опирается на христианскую традицию). Но нужно сказать, что прежде всего мы — единомышленники, нас больше объединяет, чем разделяет: у нас общая цель — раскрепощение женского начала, у нас общая ориентация — (духовная прежде всего), мы все считаем также, что феминизм является составной частью общедемократического движения, что это движение прогрессивное.

7. Считаете ли вы, что развитие женских движений на Западе оказало влияние на вас? Какое именно?

— Оказало влияние своей значимостью, но не своей философски-идейной направленностью.

8. К кому вы адресуетесь? Стремитесь ли вы к расширению круга читателей преимущественно или только среди женщин?

— Стремимся к предельному расширению круга читателей. И, хотя журнал адресован женщине, он поднимает и общие проблемы, его полезно прочесть и мужчинам.

9. Думаете ли вы говорить от имени всех женщин или только от имени женщин какой-то одной среды? Интересуют ли вас, в частности, специфические проблемы женщин в деревне, в нерусских районах?

— Мы хотели бы говорить от имени всех женщин, осветить самый широкий круг тем и проблем. Нас интересует одинаково и положение «эмансипированной» интеллигентки, и тревоги простой женщины, не знающей, как прокормить семью, как устроить ребенка в ясли, как справиться с пьяницей-мужем и т. д. В будущем мы надеемся остановиться на страницах нашего журнала и на положении женщины в деревне, в нерусских окраинах.

10. Какой отклик получил ваш журнал в разных средах? Отличается ли отклик женщин от отношения мужчин?

— Без колебания можно сказать, что альманах «Женщина в России» стал самым демократическим и вызывающим всеобщий интерес журналом в Ленинграде. К сожалению, те немногочисленные экземпляры, которые были у нас на русском языке, исчезли в недрах КГБ. Но многие уже успели прочесть.

Реакция обычно резко противоположная: или восторженная, или снобистски-раздраженная, но всегда очень живая.

Все, читающие журнал, признают его необходимость и «жгучесть» поднятых проблем.

Нужно сказать, что журнал «ошеломил» и в положительном, и в отрицательном смысле слова. Одних — смелостью в постановке вопросов, яркостью свидетельств, неприкрашенностью рассказов. Других этим же оттолкнул, показался слишком «эмоциональным» и субъективным.

Отношение мужчин (не всех, конечно) несколько отличается от отношения женщин. Многие обиделись, словно мы задели каждого из них лично. Самое интересное, что после того, как появились перепечатки нашего альманаха во французских изданиях, отношение к нему мужчин заметно улучшилось. Многие пишут для нас статьи, кое-кто просился принять его в клуб (в каждом отдельном случае мы будем определять возможность мужского участия в нашем журнале особо, на наших собраниях). Мы, конечно, вовсе не настроены радикально антимужски. «Женская» тема, тема Софии и «вечной женственности» постоянно вставала как одна из центральных в русской философии, богословии, поэзии. Многие возвышенные умы (как мужские, так и женские, хотя чаще мужские) посвятили ей лучшие часы своего вдохновения.

Вся русская литература пронизана благоговейным отношением к женщине, в которой одной видят спасение и свет. (Ведь не случайно, что почти нет в русской классике положительных мужских образов).

И, наконец, особое заступничество Пресвятой Владычицы, укрывшей Россию своим покровом, странствующей по нашей земле в виде простой русской женщины, спускающейся в самый ад русской жизни. Все эти темы — наши общие и ставить мы их будем также совместно, используя помощь мужчин, «созревших» до понимания важности встающих вопросов.

11. Говорят, что диссиденты приняли журнал холодно. Если это так, то в чем причина?

— Мы ничего не слышали о диссидентах, принявших журнал холодно. Нам удалось говорить с весьма крупными представителями диссидентского движения, они приняли появление нашего журнала с радостью, отнеслись к нам заботливо и сразу предложили свою помощь. Правда, создается впечатление, что некоторые не осознали вначале, что же, собственно, произошло. Помогла поддержка западных феминисток — теперь те, кто «принял журнал холодно», рвется в феминизм. Но мы стараемся принимать в свой клуб людей близких по духу, бескорыстно преданных идее, глубоко выстрадавших свои мысли.

12. Считаете ли вы себя частью демократического движения? Рассчитываете ли вы на его поддержку? Есть ли в дем. движении тенденции, которые ближе всего к вашим побуждениям и интересам?

Да, считаем. На поддержку рассчитываем. Самые близкие нам тенденции — религиозная, правозащитная, культурная.

13. Женщины в диссидентстве:

— являются ли они меньшинством?

— как их вообще там принимают?

— существует ли разделение «функций» между женщинами и мужчинами?

— помогая своим мужьям и друзьям-мужчинам, рассматривают ли женщины это как собственное действие или же делают это просто потому, что они связаны судьбой?

— верно ли, что с точки зрения диссиденток, положение женщины, хотя и тяжелое, но в принципе не отличается от положения мужчин?

Если это так, то объясните эту точку зрения.

Сейчас, когда самые смелые и деятельные мужчины сидят в тюрьмах, демократическое движение (думается, как в Москве, так и в Ленинграде) стало поистине дам-движением. Женщины диссидентского движения ни в чем не уступают мужчинам. Можно даже сказать, что круг их обязанностей и дел значительно шире мужского. Они могут выполнять самую «черную» и скучную работу (они, обычно, — машинистки, переплетчики, корректоры), они более аккуратны и организованы, но они же одновременно не уступают мужчинам ни в смелости, ни в способности ясно и четко осмыслить ситуацию. Конечно, их охотно принимают в диссидентские группировки («за одну такую женщину можно десять мужиков отдать» — не редкий «комплимент» в диссидентских кругах).

Теперь о соотношении «личного» и «общественного».

Начиналось дем. движение среди мужчин. Первые женщины, вошедшие в движение, начали с протестов в защиту, с помощи семьям политзаключенных. Велико количество женщин, которые шли за мужьями-мужчинами и даже сыновьями, многие из них заменили потом своих мужей на посту.

Но уже с самого начала были и самостоятельные фигуры: Мальва Ланда, Гатьяна Ходорович, Ирина Каплун, Наталья Горбаневская, Елена Боннер, Юлия Вознесенская, Наеле Садунайте, Татьяна Шипкова и др.

Мы не знаем диссиденток, которые считают, что положение женщины в нашей стране в принципе не отличается от положения мужчин. Можно, однако, предположить, что при развитом в нашем обществе духовном гермафродитизме существование подобных взглядов не исключено.

14. Окидывая взором всю русскую историю, включая историю Сов. Союза, можно ли сказать, что у женщин здесь особенная судьба? Если да, то в чем она заключается прежде всего по сравнению с исторической жизнью мужчин?

— Судьба, действительно, особая. В Советском Союзе у женщины мессианская судьба: восстановление и раскрытие попорченного, задавленного «человека», «пола», «истории».

Если окинуть взором историю нашего народа, то мы заметим очень мало перемен в положении женщины. Настолько мало, что к положению женщины в наше время можно отнести строки, написанные Некрасовым более 100 лет назад:

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
И третья — до гроба рабу покоряться...

Женщина была и остается **рабой раба**, т. е. она находится в двойном рабстве. Мужчина, вставленный в механизм рабства, механически переносит рабовладельческие отношения в семью. Каждый удар, полученный им в социальной жизни, он спешит передать женщине — не надо при этом забывать, что в наше время женщина, вынужденная и на работе, и в магазинах, и в прачечных и т. д. сталкиваться с социальной средой, и без того получает таких ударов в несколько раз больше, чем мужчина. Каждый пьянчуга, самый задрипанный, презируемый член общества имеет существо еще более несчастное и забытое, на котором вымещает свои обиды.

И вместе с тем у женщин России великая миссия — вернуть человека к самому себе и к Богу, противопоставить Любовь насилию, свергнуть власть холодного, бездушного техницизма, заставить обратиться к ценностям сердца и духа.

Все тяжелые последствия революции ударили прежде всего по неподготовленному мужчине. Женщину труднее сломить — слишком долго давили, это упругий материал. В результате, несмотря на двойной гнет, она оказалась сильнее мужчины. Она сейчас активнее, сильнее, цельнее мужчины. Женщины берут на себя задачу общего раскрепощения сознания, спасения высших духовных ценностей, спасения человека вообще.

15. За пределами вашей инициативы есть ли женщины или мужчины, которых занимала или занимает феминистическая проблематика? (Например, «Неделя как неделя» Баранской является все еще злободневным произведением, как его приняли в момент выхода?)

— Да, они существуют, но журнала до сих пор не было, и, хотя таких людей много, они разобщены. Проблемы повести «Неделя как неделя» не сняты, разве что еще более усилены, но о самой повести говорят много меньше, чем в момент ее выхода.

16. Часто говорят о феминизации мужчин в том смысле, в каком у многих женщин проявляется стремление больше не работать, а сидеть дома. Эти явления реальны?

— Реальны в тысячах примеров. Мужчины у нас сейчас — слабый пол. Может быть, пример с работой не самый удачный, поскольку причина сидения дома —

невозможность работать на работе (это одинаково развращает и женщин и мужчин), поскольку нужно выполнять бессмысленные действия.

Мужчины феминизированы, естественно, невозможностью проявлять себя, свое инициативно-мужское начало в условиях бюрократического, административного и идеологического подавления личности.

Они феминизированы также в результате отсутствия должного воспитания в советских семьях. Они не могут расстаться со своей инфантильностью и «женской» в дурном смысле слова психологией, потому что часто воспитываются без отца матерью, которая калечит ребенка неумеренным и истеричным эротизмом, не заботясь о его становлении личностью и индивидуумом.

17. По вашему мнению, в каком направлении может в ближайшее время измениться положение женщины в СССР (к лучшему, к худшему?)

Положение женщины вряд ли может измениться к лучшему: усугубляется экономический кризис, растут цены на продукты, все больше пьянства, преступлений, все более адской становится повседневность.

Но в плане духовного состояния женщины мы ждем перемен. Все больше растет в ней чувство внутренней свободы, все сильнее жажда вырваться из прижизненной могилы.

18. Заставляют ли последние события развивать ваш проект в другом направлении, чем было первоначально задумано?

Последние события ко многому обязывают нас. Обострился политический кризис внутри страны и за рубежом. Внутренний кризис выразился в той волне репрессий, которую можно назвать «антидиссидентским предололимпийским марафоном». Всеобщее возмущение и протест вызывает экспансия в Афганистан. Благодаря ей возникло несколько молодежных диссидентских группировок. Такие события не могут пройти мимо внимания женщин. Феминистическое движение возглавило протест матерей, одной из главных своих целей оно полагает цель борьбы за мир, разъяснения матерям того факта, чем действительно является война в Афганистане, призыв к ним рвать повестки и предложить своим сыновьям почетную тюрьму вместо позорной смерти солдата-агрессора.

Мы заинтересованы в расширении наших связей со всеми прогрессивными организациями мира, мы от всей души благодарим Les Femmes, Tierce, комитет защиты ленинградских женщин и другие феминистические организации за поддержку, понимание, за дружбу.

К сожалению, о нас знают больше на Западе, чем в родной стране. Поскольку главные наши цели — воспитательные, то одним из плодотворных выходов из создавшегося положения было бы создание специального отдела при одной из радиостанций, ведущих передачи для Сов. Союза, где бы регулярно передавались материалы существующих женских журналов («Женщина и Россия», «Мария»). Только эта мера могла бы приблизить наши журналы к той аудитории, ради которой они создавались.

Наш первоначальный проект не изменился, все происходящее лишь призывает нас еще более самоотверженно бороться за духовное, социальное и

природное освобождение женщины, за женщину новой России, России, несущей всему миру весть о победе Любви над насилием, Света — над тьмою.

(Ответы составлены на собрании клуба «Мария»; их разделяют все участники клуба).